

**От семьи русской к семье советской:
третья сторона во внутрисемейных конфликтах
(по материалам письменных источников
второй половины XIX — первой половины XX века, Южный Урал)**

Е. А. Чайко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена изучению одной из сторон процесса культурной эволюции русской патриархальной семьи, и превращению ее в семью современного типа. На основе материалов судопроизводства станичных судов Оренбургского казачьего войска второй половины XIX в. и районных газет 30-х и 40-х гг. XX в. анализируется поведение сторон во внутрисемейных конфликтах с целью выявления динамики поведенческих стереотипов в разном историческом контексте, в частности, в условиях кардинального изменения семейного права.

Анализ записей решений станичных судов второй половины XIX в. показал, что присущая русской семье замкнутость и система неравных статусов не противоречила практике привлечения третьей стороны для разрешения внутрисемейных конфликтов. Большинство судебных дел инициировалось женщинами, либо их представителями — отцами, дядями. Основными причинами обращений были измена мужа, побои, публичные оскорбления. В делах об изменах ответчицей выступала женщина-«разлучница». При нанесении побоев решение суда зависело от репутации пострадавшей женщины. Суд одобрял поведение мужа, если жена имела дурной характер. Требуящим обязательного наказания считалось плохое содержание жены и оскорбление при людях. Признание виновности влекло штраф и арест при станичном правлении.

Обращения мужчин в суды были связаны с бегством жены из семьи. По подобным делам принимались решения о поиске и возврате жены.

После революции практика обращений женщин к третьей стороне сохранялась. В случае супружеской неверности мужа женщины жаловались в партийные органы или на производство. К ответу по жалобам стали привлекаться мужья, а не женщины — разлучницы, как ранее. К рукоприкладству мужей в семье власти применяли меры мягкого воздействия, либо невмешательство. Плохое содержание семьи, когда муж пьет, не дает денег на содержание семьи удостоивалось наибольшего осуждения. Советские общественные институты способствовали сохранению целостности семей. Отмеченные явление свидетельствуют о разделении населением и представителями советской власти на местах традиционных представлений о семье в целом и статусах отдельных членов семьи.

Ключевые слова: *русская семья, семейный конфликт, Южный Урал, станичные суды, внесудебное приращение.*

Предлагаемый материал касается одной из сторон процесса культурно-исторической эволюции русской патриархальной семьи, которая, как известно, давала господствующие образцы семейной жизни в дореволюционной России. Попытки осмыслить русскую патриархальную семью как один из важнейших социальных феноменов и проследить её историческую эволюцию имеют сложившуюся традицию в области гуманитарных наук. Факт распада больших патриархальных семей положил начало изучению русской семьи в дореволюционный период¹. В советской и постсоветской историографии проблема взаимоотношений и статусов в русской семье рассматривалась

в трудах по этнографии русских и восточных славян, а также в работах, посвященных изучению традиционной культуры русских в различных географических и социальных группах [Русские: семейный и общественный быт, 1989; Бусыгин, Зорин, Михайличенко, 1973; Гончаров, 2002; Крупянская, Полищук, 1971; Миненко, Рабцевич, 1997; Чагин, 1998; Кузнецов, 1999]. Последнее важно, так как характер внутрисемейных отношений зависел не только от традиций народа в целом, но и от специфики религиозных представлений, жизненных условий, других факторов, многие из которых имели локальный характер. Со второй половины 1980-х гг. в отечественной историографии появляются работы, посвященные специфике гендерного порядка в русских семьях различных сословий, статусу женщины в семье [Пушкарева, 1994; Гончаров, 2001; Мужики и бабы..., 2005].

¹ Подробный анализ дореволюционной литературы о русской крестьянской семье см.: Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. Москва, 1994.

В конкретно-исторических исследованиях постсоветского периода проблема внутрисемейных взаимоотношений рассматривалась в контексте советского семейного права и социальной политики советского государства [Полянский; 1997; Градскова; 1999; Рабжаева; 2004; Рослякова; 2005; 2014].

Настоящая статья посвящена исследованию этнографического факта — обращения к третьей стороне во время семейных конфликтов, безусловно проясняющему систему отношений в русских семьях досоветского и советского времени.

Известно, что русской семье традиционно были присущи замкнутость и строгая семейная иерархия. Однако, в случае семейного конфликта, допускалось обращение пострадавших членов семьи к обществу для установления справедливости. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы станичных судов станиц Долгодеревенской и Еткульской Оренбургского казачьего войска за 1860—1880-е гг., отложившиеся в Областном государственном архиве Челябинской области. Станичные суды, к примеру, принимали в производство жалобы на жестокое обращение мужа (и других старших членов семьи) с женой. Рассмотрим решения судов по таким жалобам.

9 марта 1886 г. в Еткульский станичный суд обратилась казачка поселка Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова с жалобой на нанесение побоев её мужем Никанором Васильевым Сухоруковым. Казачка была освидетельствована врачом, который нашел на спине «сильно нанесенные нагайкой удары», счел их «при повторении вредными ко здоровью». Вызванные на суд жители поселка встали на сторону Никанора и одобрили его поведение, объяснив суду, что Анна «имеет в себе дурной характер». Судом также было отмечено плохое поведение истицы на суде — «Анна подает на себя явное при суде неповиновение». В результате рассмотрения станичный суд признал побои женщины необходимыми для укрощения ее «дурного характера»¹.

Среди материалов Долгодеревенского станичного суда встретились документы судопроизводства по заявлению тещи на своего зятя казака Тарасова. Во время разбирательства заявительница рассказала, что, находясь в доме зятя, стала свидетелем того, как зять бьет ее дочь, и вступилась, «зачем он делает буйство в семейной жизни». В ответ на это, казак «бросил (бить) жену и нанес <...> побои ей» сначала дома, а затем на улице. Сам же казак Тарасов на суде показал, он был «выпимши», сидел за столом во время ужина,

произнес матерное слово между разговоров с женой, а теща начала делать упреки. Он вывел ее, «дабы она не могла являться в чужой дом со своими наставлениями». Побоев не наносил. «Спрошенные» судом соседи показали, что видели заявительницу на улице лежащей, но, чтобы ее бил зять, не видели. По итогу разбирательства, суд факт побоев не признал, но казаку сделал строгий выговор, чтобы в будущий раз «обращался с родными хладнокровно»².

Заявление в станичный суд имел право подать также отец замужней женщины. В документах станичного суда Долгодеревенской станицы отложилось дело по жалобе казака А. С. Подкорытова на жестокое обращение свекрови и свекра с его дочерью. Казак сообщил суду, что «выданная им в замужество родная дочь его Елена Александровна по мужу Заварухина, часто <...> приносит жалобу, что свекр ее казак Константин Заварухин и жена его Василиса Борисовна постоянно наносят ей обиды и к тому настраивают и мужа ее, и даже иногда не дают к пропитанию ея никакой пищи». «Спрошенные судом» свекр и свекровь не сознались. Однако, «на спрос суда целое общество поселка» показало, что «Заварухины сноху свою часто одновременно изнуряют. Сноха Константину (еще одна) — Наталья Ефимовна показала, что при ней свекровь их наносила Елене обиды, и даже сорвала с нее шаль». Суд постановил наказать казака Константина Заварухина штрафом 3 руб. серебром в пользу общественной суммы, а жену его, «как более растлившую семейную жизнь, держать при станичном правлении 6 суток»³.

Под юрисдикцию станичных судов также попадали действия, направленные на разлад супружеской жизни. Так, 9 марта 1886 г. казачка поселка Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова обратилась в Еткульский станичный суд с жалобой на солдатку Анну Андрееву Оборину в «расстройстве супружеской жизни» и нанесении побоев. По приговору суда солдатку Анну Андрееву Оборину подвергли аресту при станичном правлении на шесть дней «с употреблением на общественные работы»⁴.

16 января 1866 г. в Еткульский станичный суд обратилась крестьянка поселка Еманжелинского Еткульской станицы Екатерина Шаховская с обвинением казачки того же поселка Анисьи Гавриловны Печеркиной в желании «сделать супружеские разлучи». В свидетели была призвана девица Анна Андреевна Сазонова, которая намерения Печеркиной подтвердила. Суд постановил

² ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 40. Л. 13(об) — 14 об.

³ ОГАЧО. Ф. И. -7. Оп. 1. Д. 40. Л. 28—29 об.

⁴ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 8—9.

¹ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 9.

подвергнуть разлучницу аресту при станичном правлении сроком на семь дней и взыскать с нее штраф три рубля в пользу А. А. Сазоновой за то, что последнюю пришлось дважды вызывать в суд («за двойной вызов в суд»)¹.

Очевидна относительная суровость наказаний по подобным делам, которую можно объяснить известными представлениями русских о святости венца. В обращениях о попытках расстроить супружескую жизнь, как правило, ответчицами выступают женщины — разлучницы. Реже ответчиком в деле о супружеской неверности выступал муж. Так, казачка поселка Еткульского Парасковья Павловна Бухарина обратилась в суд с прошением о «взыскании с мужа (урядника Осипа Тихоновича Бухарина) по закону» за то, что он «занимается любострастием со снохой своей, женой родного сына, Настасьей Яковлевной Бухариной, из-за чего содержит ее в общесожитии и согнал (жену) из дому своего». «Спрошенный» в суде урядник Бухарин сообщил, что он жену из дома не прогонял, жена отлучилась самовольно, о чем он ранее заявил поселковому атаману, и «сей последний ссылку Бухарина подтвердил». Спрошенные судом соседи поведение урядника Бухарина одобрили, а «жену его Прасковью не одобряют», ибо она, по мнению соседей, «не делает послушания противу мужа своего». Суд решил «казаку Бухарину за несправедливый извет, а также выслушивание неприличностей присудить, что ничем не доказывается». Жену его «в пример других» держать при станичном правлении под арестом трое суток «со внушением, дабы она на будущий раз от сказанных несправедливых изветов воздерживалась»².

Мужья обращались в суды только в случае бегства жены из семьи. Так, 4 февраля 1886 г. Еткульский станичный суд разбирает заявление казака Трофима Васильева Борисова. По словам заявителя, жена его Екатерина два месяца назад скрылась из дома. После долгих розысков он нашел ее в поселке Еманжелинском у ее родственника. Суд обязал доставить Екатерину обратно к мужу, а также «ублаготворить» Трофима Борисова за проведенные им в розысках 10 дней «с лошадей» за счет «пристанодержателя»³. Из чего следует, что розыски бежавшей из дома жены, были сочтены делом общественно важным.

Таким образом, причиной обращений в станичные суды могли послужить побои, плохое содержание жены или нанесения ей обид и оскорблений, также супружеская измена или попытка

склонить супруга к измене. Суды принимали решения, руководствуясь традиционными представлениями о семье и о роли в ней отдельных ее членов. Анализ содержания дел показывает, что самым незначительным проступком считалось нанесение жене побоев, не повлекших увечий. На то, что побои жены мужем считались вполне «законными» указывает и суждение женщины 1860 г. рождения о том, что «раньше баб поленьями били обязательно. Это такой порядок был и законно» (д. Александровка Катавского района Челябинской области)⁴. Как более серьезные проступки рассматривались оскорбления, а также плохое содержание жены. Важное значение имела репутация каждой из сторон судебного разбирательства, которая выяснялась путем опроса соседей.

Количество судебных разбирательств в станичных судах по факту семейных конфликтов очень невелико. Однако решения по ним показательны. Можно предположить, что обращения в суды широко не практиковались, так как выносить конфликты за пределы семьи считалось последним делом, в соответствии с народными представлениями, не следовало выносить сор из избы. Исследователь казачьего быта М. Голубых, проживший полгода среди казаков станицы Тимофеевской Оренбургского казачьего войска отмечал, что казаки всегда старались показать, что в семье живут дружно. У них ругать жену при людях или бить было не принято. Если муж был недоволен поведением жены, то ругал ее наедине так, чтобы этого не слышали соседи и остальные члены семьи⁵. Тем не менее, следует констатировать, что в русской семье в условиях господства представлений о ее незыблемости, имела место практика обращений пострадавших во внутрисемейных конфликтах за защитой к третьей стороне, в частности, в станичные суды.

После революции 1917 г. изменилось законодательство в области брака и семьи, стало возможным кардинальное решение семейных конфликтов путем расторжения брака по желанию одного из супругов. Тем не менее женщины к разводу не стремились, практика обращений с жалобами на супруга в различные инстанции продолжала сохраняться. Об этом свидетельствуют публикации в районных газетах, материалы собраний женщин — активисток, этнографические источники.

Как и ранее жалобы исходили от женщин. Отношение представителей советской власти на местах к таким жалобам, очевидно, постепенно эволюционировало. Так, в конце 1920-х гг.

¹ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.

² ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 40. Л. 102 об. — 103.

³ ОГАЧО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 об.

⁴ ГИМЮУ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 298. Л. 22.

⁵ Голубых М. Д. Казачья деревня. Москва; Ленинград, 1930. С. 212.

на конференции женщин — общественниц Златоустовского округа Уральской области участницы конференции отмечали, что милиционеры «при случае драки (в семье) не идут на защиту женщин»¹. Представители власти, очевидно, предпочитали не вмешиваться в семейные конфликты, разделяя традиционное представление о том, что это дело внутрисемейное. Предположение подтверждается рядом публикаций в прессе 1930-х гг., из содержания которых следует, что газета, являлось последней инстанцией, куда пожаловались граждане. Прежде они обращались на работу мужчин, в милицию или местный совет. К примеру, из письма двух домохозяек о поведении своего соседа, «рабочего лесохимического завода Чернышкова, который избивает жену, а детей часто оставляет голодом», следует, что положение в семье известно милиции². В другой газетной заметке указывается, что местный совет «знает и молчит» о «систематическом пьянстве и хулиганстве» проживающего в селе Минка В. Я. Лопаква, который «избивает жену», а «детей прогоняет к соседям»³.

Любопытно, что письма в газету всегда публиковались от имени третьих лиц или анонимно. Так, домохозяйки Зайцева и Макарова сообщали о поведении рабочего Чернышкова, И. Кузнецов сообщая о поведении В. Я. Лопаква и т. д. Под письмами также значатся подписи: «Знающий», «Искра», «Местный», и т. п. Работавшие на Южном Урале этнографы в 1952 г. отмечали, что «женщины не довольны таким положением», когда «мужья пьют и дерутся, но помалкивают»⁴.

Местная пресса также способствовала принуждению мужчин к содержанию матерей их внебрачных детей или к женитьбе на них. Так, в газете «Стальная искра» сообщается о «позорном поступке» председателя завкома химкомбината коммуниста Бармасова, отца внебрачного ребенка работницы болтового цеха Миньярского завода А. Т. Горшковой. Бармасов бросил заболевшую

после родов мать и ребенка «на произвол судьбы». Автор заметки под псевдонимом «Саблин» сообщает, что «миньярские организации и химкомбинат» знают о поступке Бармасова, но молчат. Он считает необходимым заставить «мерзавца Бармасова содержать ребенка и его больную мать»⁵.

По всем письмам в редакцию происходили разбирательства и принимались меры. Общественное порицание способствовало изменению поведения мужчин.

Государство стремилось применять мягкие формы воздействия в конфликтах между мужем и женой. В начале 1960-х гг. для обуздания дерущихся мужей стали использоваться товарищеские суды. Так, в 1960 г. товарищеским судом при исполкоме Ашинского горсовета, было рассмотрено дело, посвященное «антиобщественному поведению в быту рабочего метзавода Бочкова, который пьянствовал, издевался над женой и детьми, зарплату не отдавал в семью». Собрание проводилось в клубе по месту жительства Бочкова при большом скоплении домохозяек. В отчете отмечается, что после товарищеского суда Бочков стал вести себя как положено отцу семейства, жалоб со стороны жены и соседей не стало⁶.

Таким образом, в советское время, как и в до-революционный период, существовала практика вмешательства третьей стороны в семейные конфликты. Однако теперь она осуществлялась за рамками правовой системы и носила внесудебный характер. Основой для внесудебного вмешательства в семейные конфликты служили жалобы. Разбирательства по жалобам было направлено на сохранение семьи. Внесудебное вмешательство осуществлялось различными инстанциями: прессой местного уровня, товарищескими судами, а также партийными организациями, трудовыми коллективами. В этот исторический период правовое сознание народа и власти, в значительной степени, воспроизводило нормы, принятые в народной среде. Не соответствовала традиционным представлениям, пожалуй, только практика принуждения мужчин к содержанию матери внебрачного ребенка.

⁵ Стальная искра. 1936. 9 апр.

⁶ АЗГО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 68. Л. 63—64.

¹ АЗГО. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 1625. Л. 22 об.

² Стальная искра. 1936. 20 июня.

³ Авангард. 1941. 5 янв.

⁴ ЧГИМЮУ. Фонд документов. Оп. 4. Ед. хр. 289. Л. 10.

Список литературы

1. Бусыгин, Е. П. Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья / Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973.
2. Голикова, С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII—XIX веков: демографические процессы и традиции / С. В. Голикова. Екатеринбург: УрО РАН, 2001.
3. Голубых, М. Д. Казачья деревня / М. Д. Голубых. Москва; Ленинград: Госиздат, 1930.

4. Гончаров, Ю. М. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. / Ю. М. Гончаров // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 231—246.
5. Гончаров, Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. / Ю. М. Гончаров. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002.
6. Крупянская, В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.) / В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. Москва : Наука, 1971.
7. Крюкова, С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. / С. С. Крюкова. Москва, 1994.
8. Кузнецов, В. М. Семейный быт русского сельского населения Южного Урала во второй половине XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. М. Кузнецов. Екатеринбург, 1999. 17 с.
9. Миненко, Н. А. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII—XIX вв. / Н. А. Миненко, В. В. Рабцевич. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1997.
10. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской народной традиции. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005.
11. Полянский, П. Л. Отечественное брачно-семейное законодательство: от КЗАГСa 1918 до наших дней / П. Л. Полянский // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 126—134
12. Пушкарева, Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X—XX вв / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3—11
13. Рабжаева, М. В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект / М. В. Рабжаева // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 166-176
14. Рослякова, М. В. История семейно-брачных отношений рабочих Верхневолжского региона : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Рослякова. Иваново, 2005. 23 с.
15. Русские: семейный и общественный быт. Москва : Наука, 1989.
16. Чайко Е. А. Семья в контексте провинциальной повседневности: Катавский и Миньярский районы Челябинской области во второй половине 1920-х — 1950-е годы. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014.
17. Авангард : газета Катавского РК ВКП(б), Райиспокома и Райпрофсовета. 1934; 1937; 1940—1955.
18. Стальная Искра : газета Миньярского РК ВКП(б), Райисполкома и Райпрофсовета. 1930; 1936; 1937; 1941—1955.

Сведения об авторе

Чайко Екатерина Анатольевна — кандидат исторических наук, заведующая Музеем археологии и этнографии Челябинского государственного университета, Челябинск, россия. *e.a.chaiko@yandex.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 95—101.

From the russian family to the soviet family: a third party in intra-family conflicts (based on written sources of the second half of the 19th and first half of the 20th centuries, South Ural)

E.A. Chaiko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. e.a.chaiko@yandex.ru

This article studies the progress of a Russian patriarchal family. Based on the village courts records (the second half of the 19th century) and South Ural regional newspapers (the 1930s and 1940s of the 20th century) the work analyzes the behavior of parties in family conflicts to compare family behavior in different historical contexts, in particular, in the context of fundamental changes of family law.

The analysis of the village courts verdicts of the second half of the 19th century showed that the inherent isolation of the Russian family and the system of unequal statuses did not contradict the practice of involving a third party to resolve intra-family conflicts. Most court cases were initiated by women or their representatives such as fathers or uncles. The main reasons for appeals were infidelity of husbands, beatings and public insults. In cases of infidelity, the defendant was a woman-homewrecker. In case of beatings the decision of the court depended on

the reputation of an injured woman. The court approved husband's behavior if his wife had a bad character. Bad maintenance of a wife and insult in public were considered to require mandatory punishment. Admission of guilt under the village court entailed a fine and arrest.

The appeals of men to the court were connected with a wife's runaway from the family. In such cases, there were decisions to find and return the wife.

After the revolution the practice of women appealing to a third party persisted. In case of infidelity of a husband women complained to the party authority or the work place. In response to complaints husbands started to be involved, not women-homewrecker like it used to be. The authorities applied soft measures or non-interference to the abuse of husbands in the family. Poor maintenance of a family, when a husband drinks alcohol and does not give money for his family, was most condemned. Soviet public institutions helped preserve the integrity of families. These phenomena indicate that the population and representatives of the Soviet authorities separated traditional ideas about the family as a whole and the status of individual family members.

Keywords: *Russian family, family conflict, South Urals, village courts, extra-judicial coercion.*

References

1. Busygin E.P., Zorin N.V., Mihajlichenko E.V. *Obshhestvennyj i semejnyj byt russkogo naselenija Srednego Povolzh'ja* [Social and family life of the Russian population of the Middle Volga region]. Kazan, Kazan University press, 1973. (In Russ.).
2. Golikova S.V. *Sem'ja gornozavodskogo naselenija Urala XVIII—XIX vekov: demograficheskie processy i tradicii* [Family of the mining population of the Urals of the XVIII—XIX centuries: demographic processes and traditions]. Yekaterinburg, Uro RAS, 2001. (In Russ.).
3. Golubyh M.D. *Kazach'ja derevnja* [Kazachya Derevnja.] Moscow, Gosizdat, 1930. (In Russ.).
4. Goncharov Yu.M. Soslovnaja specifika gendernogo semejnogo porjadka v russkom provincial'nom gorode vtoroj poloviny XIX v. [The Class specificity of gender family order in the Russian provincial city of the second half of the XIX century]. *Sem'ya v rakurse sotsial'nogo znaniya* [Family in the perspective of social knowledge]. Barnaul, 2001. P. 231—246. (In Russ.).
5. Goncharov Yu.M. *Gorodskaja sem'ja Sibiri vtoroj poloviny XIX — nachala XX v.* [Urban family of Siberia of the second half of the XIX-beginning of the XX century]. Barnaul, Altaj State University, 2002. (In Russ.).
6. Krupjanskaja, V.Yu., Polishhuk N.S. *Kul'tura i byt rabochih gornozavodskogo Urala (konec XIX — nachalo XX v.)* [Culture and life of workers of the mining Urals (late XIX-early XX century)]. Moscow, Nauka, 1971. (In Russ.).
7. Krjukova S.S. *Russkaja krest'janskaja sem'ja vo vtoroj polovine XIX v.* [Russian peasant family in the second half of the XIX century]. Moscow, 1994. (In Russ.).
8. Kuznecov V.M. *Semejnyj byt russkogo sel'skogo naselenija Juzhnogo Urala vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.* [Family life of the Russian rural population of the southern Urals in the second half of the XIX-early XX centuries]. Abstract of thesis. Yekaterinburg, 1999. 17 p. (In Russ.).
9. Minenko N.A., Rabcevich V.V. *Ljubov' i sem'ja u krest'jan v starinu: Ural i Sibir' v XVIII—XIX vv.* [Love and family among peasants in the old days: the Urals and Siberia in the XVIII—XIX centuries]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 1997. (In Russ.).
10. *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoj narodnoj tradicii* [Men and women. Men's and women's art in the Russian folk tradition]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2005. (In Russ.).
11. Poljanskij P.L. Otechestvennoe brachno-semejnoe zakonodatel'stvo: ot KZAGSa 1918 do nashih dnei [Domestic marriage and family legislation: from the KZAGS of 1918 to the present day]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian law], 1997, no. 10, pp. 126—134. (In Russ.).
12. Pushkareva N.L. Russkaya zhenshchina v sem'e i obshchestve X—XX vv. [Russian woman in the family and society of the X—XX centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 1994, no. 5, pp. 3—11 (In Russ.).
13. Rabzhaeva M.V. Semejnaya politika v Rossii XX v.: istoriko-social'nyj aspekt [Family policy in Russia of the XX century: historical and social aspect]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2004, no. 2, pp. 166—176. (In Russ.).
14. Rosljakova M.V. *Istorija semejno-brachnyh otnoshenij rabochih Verhnevolzhskogo regiona* [History of family and marriage relations of workers of the Upper Volga region]. Abstract of thesis. Ivanovo, 2005. 23 p. (In Russ.).
15. *Russkie: semejnyj i obshhestvennyj byt* [Russian: family and social life]. Moscow, Nauka, 1989. (In Russ.).

16. Chajko E. A. *Sem'ja v kontekste provincial'noj povsednevnosti: Katavskij i Min'jarskij rajony Cheljabinskoy oblasti vo vtoroj polovine 1920-h — 1950-e gody* [Family in the context of provincial everyday life: Katavsky and Minyarsky districts of the Chelyabinsk region in the second half of the 1920s — 1950s]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2014. (In Russ.).

17. *Avangard: gazeta Katavskogo RK VKP(b), Rajispokoma i Rajprofsoveta* [Avangard: newspaper of the Katavsky RK of the CPSU(b), the district Executive Committee and the district professional Council], 1934, 1937, 1940—1955. (In Russ.).

18. *Stal'naja Iskra: gazeta Min'jarskogo RK VKP(b), Rajispolkoma i Rajprofsoveta* [Steel spark: the newspaper of the Minyar Republic of the CPSU(b), the district Executive Committee and the district Council], 1930, 1936, 1937, 1941—1955. (In Russ.).